
И. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ИНДЕКС СЧАСТЬЯ И КОНЕЦ ИСТОРИИ

Автор статьи стремится философски осмыслить феномен вычисления индексов счастья, которые представлены во Всемирных докладах о счастье, ежегодно публикуемых подразделением ООН «Сеть решений устойчивого развития». Данная работа продолжает начатое в статье Н. Ф. Рахманкуловой («Философия и общество», 2018, № 1) обсуждение возможностей соотнесения современных исследований уровня счастья с классическими философскими трактовками счастья, восходящими к Аристотелю учению об эвдемонии. Данная работа выполнена в рамках иного, чем у Н. Ф. Рахманкуловой, подхода к проблеме индексации счастья. Автор рассматривает данную проблему в контексте экспансии измерительных методов в тех сферах жизни общества, где результаты измерений не только не помогают понять суть важнейших явлений и процессов, но используются для искажения этой сути. В статье приводятся доводы в пользу утверждения, что такая экспансия находится в русле движения к «концу истории» в том виде, в каком он трактуется в публикациях Ф. Фукуямы. Речь в данном случае идет не только о восприятии стран Северной Америки и Западной Европы в качестве пионеров постистории, но и о вытеснении философских представлений об общественно значимых явлениях и процессах технологиями вычислений разного рода индексов и показателей.

Ключевые слова: Всемирный доклад о счастье, индекс счастья, ООН, операционализация, экспансия измерительных методов, Аристотель, эвдемония, Фукуяма, конец истории, постистория.

The author of the paper gives some philosophical reflections on the phenomenon of calculation of happiness index which are presented in annual 'World Happiness Reports' issued by The UN Sustainable Development Solutions Network. The article continues the discussion on the issue that was put forward by Nelli Rakhmankulova in her paper published in Journal 'Filosofiya i Obschestvo' in 2018. It concerns evaluation of present researches in 'world happiness' from the point of classic philosophical interpretation of happiness that go back to Aristotle's eudemonia. The proposed article presents the different

approach to the problem of indexation of happiness than that of N. F. Rakhmankulova. The author of this paper considers this problem in the context of the expansion of measuring methods in those areas of social life, where the results of such measurements do not allow understanding key phenomena and processes but also give a disturbed picture of the phenomena and processes. The author argues that the expansion of measurement is in accordance with the idea of the end of History presented in Fukuyama's works. In this case we are talking not only about the perception of the countries of North America and Western Europe as pioneers of posthistory, but also about the displacement of philosophical ideas about socially significant phenomena and processes by computing technologies of various indexes and indicators. In this case we are talking not only about the perception of the countries of North America and Western Europe as pioneers of posthistory, but also about the replacement of philosophical ideas about socially significant phenomena and processes by computing technologies of various indexes and indicators.

Keywords: *World Happiness Report, happiness index, UN, operationalization, expansion of measuring methods, Aristotle, eudemonia, Fukuyama, the end of History, Post-History.*

2 апреля 2012 г. на портале Организации Объединенных Наций была опубликована статья с примечательным названием «Валовое внутреннее счастье – новая экономическая парадигма?». В статье речь шла о выступлении Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна на конференции «Счастье и благополучие», состоявшейся в штаб-квартире этой организации. В своем выступлении глава ООН, отмечая односторонний характер такого показателя экономического и политического развития, как внутренний валовой продукт (ВВП), предложил ввести новый показатель, который учитывал бы не только финансово-экономические, но также социальные и экологические аспекты состояния общества. Для характеристики глобального прогресса Пан Ги Мун использовал такое выражение, как *валовое глобальное счастье* [Валовое...]. На конференции был представлен доклад «Благосостояние и счастье: определение новой экономической парадигмы», подготовленный под эгидой подразделения ООН «Сеть решений устойчивого развития». С тех пор это подразделение ежегодно выпускает Всемирные доклады о счастье, которые готовят группы независимых экспертов, анализирующих статистику и результаты социологических исследований, включая данные такой авторитетной организации, как Институт Гэллага.

Н. Ф. Рахманкулова в статье, опубликованной в журнале «Философия и общество», характеризует подобные инициативы измерения счастья как соответствующие «нынешним перспективным задачам гуманизации общественно-политической жизни» [Рахманкулова 2018: 60], видит в них проявление «тенденции к гуманизации, которая прослеживается в европейской культуре начиная со времен расцвета классического греческого полиса», а «со второй половины прошлого века интенсивно наращивает свое воздействие на установление целей общественного развития в мире, критериев определения его уровня для различных стран и регионов» [Там же: 61]. Опыты «измерения счастья» автор включает в контекст классических этических учений, прежде всего Аристотелева учения о счастье (эвдемонии) как высшем благе. Н. Ф. Рахманкулова пишет: «В понимании счастья мне представляется наиболее взвешенной та линия его трактовки, которая идет от Аристотеля, через Дж. Локка, французских (Д. Дидро, А. Гольбах), американских (Б. Франклин, Т. Джефферсон) просветителей и И. Канта до наших дней, *в значительной степени определяя параметры, учитываемые сейчас в глобальных сопоставительных исследованиях уровня счастья* (курсив мой. – И. А.)» [Там же: 62].

Следует подчеркнуть значимость представленной в статье Н. Ф. Рахманкуловой идеи целесообразности соотнесения современных вычислительно-ориентированных исследований гуманитарных проблем, с одной стороны, и классических философских учений о благе и государстве – с другой. Вместе с тем нельзя не отметить, что в подобного рода соотнесениях необходимо учитывать ограниченность вычислительных подходов, зачастую порождающих иллюзию точности в рассмотрении принципиально неизмеримых предметов. К сожалению, сегодня мы являемся свидетелями экспансии измерительных методов в тех сферах жизни общества, где результаты измерений не только не помогают понять суть важнейших явлений и процессов, но используются для искажения этой сути. Например, происходящее на наших глазах искажение сути науки и деятельности ученого стало возможным благодаря приданию неоправданно высокого статуса наукометрическим показателям, а борьба различных организаций (включая научные и образовательные) за места в разного рода рейтингах ведет к забвению целей,

ради которых эти организации существуют, и тех потребностей общества, которым они должны отвечать. Подобные искажения могут быть рассмотрены как результат неадекватной операционализации гуманитарных понятий, в результате которой сущностное содержание подменяется числовыми манипуляциями, создающими иллюзию точности и объективности.

Во Всемирном докладе о счастье за 2019 г. [World... 2019] говорится о возникновении науки о счастье (*the emerging science of happiness*), данные которой были представлены уже в докладе 2012 г. Утверждается, что новые оценки и главы, содержащиеся в каждом из подобных ежегодно выпускаемых докладов, представляют результаты более глубоких исследований в области «науки о благополучии» и изучения счастья в отдельных странах и регионах («Each report includes updated evaluations and a range of commissioned chapters on special topics digging deeper into the science of well-being, and on happiness in specific countries and regions» [World... 2019: 8]). На деле же знакомство с текстом этого и других докладов позволяет сделать вывод, что здесь мы имеем дело с формированием нового языка (и соответствующего мировидения), открывающего возможность говорить о количестве счастья как некоей реальной или виртуальной субстанции. В результате становится возможным подсчитывать «среднее национальное счастье» (*national average happiness*), «среднее счастье в сообществе» (*average happiness in a community*), «распределение счастья» (*distribution of happiness*) и т. п. Формируется новая языковая игра, в которой принимают участие люди разных профессий и родов занятий. Пока еще слово «счастье» можно использовать в этой игре как метафору, а выражение «точная наука о счастье» воспринимать как обозначающее несбыточную мечту. Однако если когда-нибудь вычислением индекса счастья начнет заниматься не подразделение ООН, а подразделение Всемирного банка, то достижение высоких показателей счастья вполне может быть выдвинуто в качестве национальной задачи правительствами стран, зависимых от Всемирного банка и выполняющих его установки. В этом случае вычислительные интерпретации счастья будут оказывать существенное влияние на самосознание общества и человека, содействуя переработке культуры в посткультурные фракции.

Сказанное отнюдь не отрицает ценности данных, содержащихся во Всемирных докладах о счастье, и анализа этих данных. Совокупность показателей, представленных в таких докладах, характеризует благосостояние людей в связке с удовлетворенностью социумом и личными обстоятельствами. Например, в Докладе о счастье за 2019 г. справедливо отмечаются ограниченность подхода к проблеме неравенства как неравенства только лишь в распределении доходов и необходимость принимать во внимание вопросы субъективного благополучия. Соответствующие исследования показывают, что на удовлетворенность жизнью существенно влияет уровень доверия в обществе, а неравенство в «распределении здоровья» может быть важнее для личного благополучия, чем неравенство в доходах [World... 2019: 9]. Измерения счастья могут основываться, кроме прочего, на оценках респондентами обстоятельств собственной жизни по шкале от 0 до 10, где 0 означает наихудшие обстоятельства, а 10 – наилучшие. Шкала от 0 до 1 используется для учета позитивных эффектов (удача, смех, удовольствие), которыми был отмечен день респондента, предшествующий опросу.

В каждом из Всемирных докладов о счастье приводятся данные по 156 странам мира. Общими для всех докладов такого рода являются шесть показателей. Первые два относятся к области статистических данных. Это величина внутреннего валового продукта на душу населения, а также ожидаемая продолжительность здоровой жизни. Остальные четыре показателя основаны на ответах респондентов. Это оценка возможности получить социальную поддержку со стороны родных или друзей, оценка свободы жизненного выбора, участие в благотворительности, а также оценка распространенности коррупции в правительстве или в бизнесе. Кроме того, в каждом из ежегодных докладов особое внимание уделяется отдельным темам. Доклад 2019 г. фокусируется на теме «Счастье и сообщество», выдвигая на первый план изменения в сообществах и взаимодействия людей в сообществах. При этом учитываются взаимовлияние качества государственного управления и благополучия граждан, возможности просоциального поведения, а также изменения, связанные с развитием информационных технологий.

В Докладе 2019 г. представлена динамика индекса счастья с 2006 по 2018 г. в десяти регионах мира. Стабильно высокий ин-

декс демонстрируют страны Западной Европы. В Северной Америке произошло падение индекса счастья с самого высокого в мире в 2006 г. до западноевропейского в 2018 г. Индекс счастья в странах СНГ ниже западноевропейского и североамериканского. Он находится примерно на уровне индекса стран Юго-Восточной Азии, при этом индекс 2018 г. ниже, чем индекс 2014 г.

К вопросу о том, насколько параметры, учитываемые в подобных исследованиях счастья, определяются, как утверждает Н. Ф. Рахманкулова, той линией трактовки счастья, которая идет от Аристотеля, мы вернемся позже. Пока же отметим, что страны из регионов с наиболее высоким индексом счастья (Западной Европы и Северной Америки) входят и в число лидеров по размеру ВВП на душу населения. Что касается присутствия в числе лидеров поддушевого ВВП таких стран, как Катар и Сингапур, то оно не может серьезно повлиять на общие показатели соответствующих регионов. В то же время Норвегия, будучи лидером по ВВП на душу населения, лидирует и в индексах счастья.

Сегодня существует множество глобальных индексов и рейтингов, демонстрирующих результаты измерительной деятельности, призванной дать представление о положении дел в разных сферах жизни стран и регионов. Показатели подобных индексов, при всем их разнообразии, обладают одним замечательным свойством – все они могут быть поняты как лежащие в русле социально-политологической мысли, закономерно пришедшей к идее «конца истории».

Еще в XIX в. о конце истории писал Г. В. Ф. Гегель. «Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории», – читаем мы в «Лекциях по философии истории» [Гегель 2000: 62]. Немецкий философ трактовал всемирную историю как «прогресс в сознании свободы», завершающийся в германском духе. «Германский дух, – утверждал Гегель, – есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы, той свободы, содержанием которой является сама ее абсолютная форма» [Там же: 200]. На рубеже XX и XXI вв. широкую известность получили публикации Ф. Фукуямы, объявившего США, страны Западной Европы и Японию находящимися в «пост-

истории», а прочие страны – движущимися к такому состоянию [Фукуяма 1990: 155]. Счастливый человек постисторического общества наслаждается благами либеральной демократии как общественного устройства, наиболее соответствующего природе человека и позволяющего осуществить его естественные права. Постисторическое состояние является для Фукуямы и его единомышленников ценностью, которую следует защищать перед лицом вызовов, самым серьезным из которых считается грядущее изменение человеческой природы в результате развития биотехнологий. В самом деле, изменение природы человека способно привести к возникновению принципиально новых форм общества и опровергнуть тем самым тезис о завершении человеческой истории. Лингво-концептуальный выход из такой ситуации состоит в том, чтобы считать человечество, покидающее постисторию, не человечеством как таковым, а постчеловечеством. Задача же современной либеральной демократии, по Фукуяме, состоит в том, чтобы регулировать технологический прогресс с использованием имеющихся институтов, включая организацию соответствующих комитетов и комиссий [Фукуяма 2004: 347].

Футурологическая оценка воззрений Ф. Фукуямы дана нами в ранее опубликованной работе [Алексеева 2018]. Сейчас же считаем необходимым подчеркнуть, что достижение высоких мест в глобальных рейтингах и индексах, выдвигаемое сегодня российским государством в качестве национальной задачи и мерила эффективности работы организаций, на деле закрывает (в лучшем случае – существенно ограничивает) возможности исторического творчества народа в целом, немислимого без раскрытия творческого потенциала личностей и коллективов. Ценности исторического творчества и творчества вообще подменяются ценностью продвижения в рейтингах и приближения – пусть на несколько пунктов, пусть на пункт – к «небожителям», находящимся в «постистории».

Выше были перечислены основные показатели, учитываемые в процедурах индексирования счастья. Нетрудно заметить, что интерпретации счастья, полученные в результате необходимой для эмпирического исследования операционализации умозрительного понятия, упрощают (а порой искажают) смысл этой этической категории. «Счастливая жизнь, – пишет Н. Ф. Рахманкулова, – та, в кото-

рой человек самореализуется, находит смысл и достигает своих главных целей в стремлении к благу, доволен ее общей направленностью, тем, как он ею руководит и приближает к идеалу» [Рахманкулова 2018: 62–63]. Такое понимание счастья лежит в русле Аристотелева эвдемонизма. Счастье (эвдемония) по Аристотелю – это «высшее и самое прекрасное благо, доставляющее величайшее удовольствие», совершенная и самодостаточная цель человеческой деятельности, осуществляемой «сообразно добродетели» [Аристотель 1984: 67, 69]. Счастье, говорится в «Никомаховой этике», «мы всегда избираем ради него самого и никогда ради чего-то другого, в то время как почет, удовольствие, ум и всякая добродетель избираются как ради них самих... так и ради счастья, ибо они представляются нам средствами к достижению счастья. Счастье же никто не избирает ни ради этих [благ], ни ради чего-то другого» [Там же: 62]. В контексте учения Аристотеля выглядит абсурдной сама мысль о возможности числовых показателей счастья. Именно в «Никомаховой этике», именно в контексте рассуждений о счастье философом сформулирована весьма злободневно звучащая мысль о том, что следует добиваться лишь такого качества ясности и точности, которое сообразно рассматриваемому предмету: «Ведь не во всех рассуждениях (logoi), так же как не во всех изделиях ремесла, следует добиваться точности в одинаковой степени. Между тем [в понятиях] прекрасного и правосудного, которые, собственно, имеет в виду наука о государстве, заключено столько разного и расплывчатого... Такая же своего рода расплывчатость заключена в [выражении] «блага», потому что многим от [блага] бывает вред. Ведь известно, что одних сгубило богатство, других – мужество» [Там же: 54–55]. Кстати, то обстоятельство, что из года в год наиболее высокие показатели самоубийств отмечаются в странах с наиболее высоким уровнем дохода, не отражается существенным образом на результатах числовых манипуляций с данными о ВВП, уровне коррупции, благотворительности, свободе выбора и т. д., определяющих в конечном итоге лидеров в индексах счастья.

«Конец истории печален, – писал Ф. Фукуяма. – Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, – вместо этого – экономический расчет, бесконечные тех-

нические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории» [Фукуяма 1990: 155]. Приобретающие всеобъемлющий характер процессы индексирования и рейтингования могут быть поняты как закономерное следствие постисторического выбора человечества. И стоит ли удивляться, если сфера влияния философских учений о счастье ограничится «музеем истории», зато разовьется точная наука о счастье (*science of happiness*), оперирующая большими данными и разрабатывающая все новые, все более современные методы вычисления индексов счастья?

Литература

Алексеева И. Ю. «Техночеловек» и продолжение истории // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4. С. 167–173.

Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1984.

Валовое внутреннее счастье – новая экономическая парадигма? Новости ООН : [сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2012/04/1199561> (дата обращения: 15.09.2019).

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 2000.

Рахманкулова Н. Ф. О праве на счастье. Идеи Аристотеля для общества знания // Философия и общество. 2018. № 1. С. 58–76.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–155.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ: ЛЮКС, 2004.

World Happiness Report 2019 / ed. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs. New York : Sustainable Development Solutions Network, 2019.